

Марк Белоколоцкий
ДОМОЙ

18+

Марк Белоколоцкий Домой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63106856

SelfPub; 2021

Аннотация

Пустой, холодный и пугающий мир, в котором все вокруг чужие. Как отыскать в нём дорогу домой?

Марк Белоколоцкий

Домой

Я сладко дремал на полу возле батареи, когда вдруг сквозь сон уловил голос Хозяина. Машинально приподнял ухо, чтобы прислушаться: уже через мгновение стало ясно – Хозяин звал меня к себе. Меня ещё не отпускали тёплые сны о чём-то вкусном, и от них было так уютно, что выходить на улицу в холод совсем не хотелось. Но я не мог ослушаться: Хозяин ведь всегда знал, как правильно. Я не спеша поднялся и потопал к нему. Увидел, как он распутывает поводок – хотя и без того уже было понятно, что мы собираемся гулять. Я сел у Хозяина в ноги и дал надеть на себя ошейник. Он застегнул его непривычно туго, так, что шею больно сдавило. Я кашлянул, но Хозяин не обратил на это внимания – вместо этого надел на себя ботинки и куртку, и мы тут же вышли на улицу.

В морду сразу же врезался поток холодного ветра. Нагретый у батареи, я поёжился и поднял голову, как бы спросив у Хозяина: «Мы точно будем сейчас гулять?» Он никак не ответил, просто пошёл вперёд. Я за ним. Дорожка за ночь заледенела, так что я старался, наступая лапами на землю, тут же отдёргивать их обратно, чтобы они не примерзали. От такой неуклюжей походки лапы стали разъезжаться, и в конце концов я ударился носом об лёд. Но Хозяин и не думал

останавливаться, а наоборот шёл всё быстрее. Мы двигались почему-то не к калитке, как обычно, а в другую сторону – к гаражу. Ворота открылись, машина неожиданно пиликнула, отчего я вздрогнул, а Хозяин открыл одну из дверей и указал мне взглядом залезать внутрь. Я запрыгнул и устроился на холодном резиновом коврикe. Хозяин закрыл за мной дверцу, и я перестал его видеть. Через какое-то время он появился из дверцы с другой стороны и уселся в кресло за рулём. Потом всё вокруг загудело, и мы поехали.

До этого Хозяин возил меня на своей машине, только когда я плохо себя чувствовал: мы ездили в странное место, где мне делали уколы. Но сейчас у меня совсем ничего не болело, поэтому я удивлённо смотрел на Хозяина, ожидая, что он это заметит. Он не замечал. Я долго не мог успокоиться и елозил по коврику, продолжая пристально глядеть Хозяину прямо в глаза. Но ничего в ответ. Тогда я рывкнул. Он на секунду посмотрел в мою сторону и тут же убрал взгляд. От этого мне стало жутко: раньше он так себя не вёл.

Дорога укачивала, и, хотя глаза у меня уже стали слипаться, заснуть всё равно не получалось из-за тревожного ощущения, сидящего где-то в животе. Время тянулось, и за окном становилось всё темнее. Я стал думать о Доме и о тёплой батарее, рядом с которой мне нравилось спать.

Хозяин впервые привёл меня в Дом, когда я был совсем маленьким, и с тех пор я жил там вместе с ним и его семьёй. В Доме всегда вкусно пахло и всё вокруг казалось таким род-

ным и безопасным, что хотелось просто расслабиться, лежать кверху пузом и ничего больше не делать. Впрочем, я не всё время бездельничал: иногда мы с Хозяином ходили на охоту.

На охоте у меня часто получалось приносить пользу. В удачные дни мне удавалось учуять по запаху какую-нибудь птицу, выследить её, приблизиться, замереть перед ней в стойке, а потом неожиданно выпрыгнуть, чтобы она от испуга взлетела, и тогда Хозяин стрелял в неё из ружья, а я уже подбегал к упавшему телу и приносил его обратно в зубах. Один раз у меня даже получилось поймать птицу самому: она не успела вовремя взлететь, и я в прыжке схватил её одновременно и передними лапами, и зубами. Хозяин тогда был очень мной доволен. Когда мы вернулись домой, он дал мне что-то очень вкусное и даже разрешил на время перетасщить миску с её обычного места на моё любимое – у батареи.

Вдруг мне в голову пришла приятная мысль: а может быть, Хозяин и сейчас решил поехать на охоту? Я попытался взглянуть в черноту за окном: кажется, там и правда мелькали уже знакомые мне верхушки деревьев. От этой мысли я тут же успокоился. Пусть раньше мы всегда ходили на охоту пешком, ведь лес был совсем недалеко от нашего Дома, но, наверное, в этот раз Хозяин решил поохотиться в другом месте. Я облегчённо выдохнул и устроился поудобнее, чтобы подремать в дороге. Но только мои глаза окончательно слиплись и я клюнул носом, как машина остановилась.

Внезапно наступившую тишину нарушил скрежет открывающейся Хозяином дверцы и хлопок, с которым он закрыл её за собой. Спустя некоторое время он открыл дверь с моей стороны, и я понял, что пора вылезать.

Я выпрыгнул из машины в груды снега. Мне показалось, что тут было ещё холоднее, чем рядом с Домом. Я отряхнулся и огляделся по сторонам: мы и правда приехали в лес, но эта его часть совсем не была мне знакома. В тишине время от времени раздавались непонятные шорохи и стуки. В глаза бросились отпечатавшиеся на снегу следы какого-то странного зверя, и я удивлённо стал к ним принюхиваться. Запах был совсем слабый. Я немного потоптался вокруг следов, но понять, кому они принадлежали, у меня так и не вышло. Тогда я обернулся, чтобы посмотреть на Хозяина, и...

Хлопок. Дверца закрылась, и машина поехала. Я бросился за ней.

Ничего не понимая, я нёсся и с трудом успевал набирать воздух. В лапах запутывался поводок, я постоянно спотыкался, но всё равно продолжал бежать. В груди и в животе всё пронизывал ледяной воздух, от которого становилось больно, будто меня кололи внутри чем-то острым. Я бежал изо всех сил и старался не сводить глаз с машины, хоть всё вокруг бешено прыгало. А потом мир стал сливаться в одно синее пятно.

У меня закончились силы. Я свалился на землю и стал просто дышать. Не чувствовал даже холода снега: внутри ме-

ня всё будто горело. Я поднял глаза: от машины оставались лишь два маленьких огонька где-то вдалеке, а вскоре исчезли и они.

Мысли в голове заметались, как бешеные. Что случилось? Почему Хозяин оставил меня? Что я сделал не так? За что? Что мне теперь делать? Куда бежать?

Отдышавшись, я поднялся на ноги и поплёлся вперёд по дороге. Она была пуста, а вокруг были только тёмные стены из деревьев. Я не мог думать ни о чём, кроме Хозяина. В чём я провинился? Неужели он за что-то обиделся или разозлился на меня?

Мысли прервали вновь возникшие откуда-то из глубины леса странные звуки. Белка прыгает с ветки на ветку? Или птица хлопает крыльями? Или...

Новая волна страха набросилась на меня, словно хищник, и я побежал. Бежал долго, пока снова не выбился из сил. Вновь лёг на дорогу. Несмотря на снег, я как-то умудрился стереть себе все лапы, но боль заметил лишь сейчас. От отчаяния заскулил.

Спустя какое-то время вдалеке завиднелся свет. Он становился постепенно всё ярче и ярче, и я понял, что ко мне приближается машина. Я подскочил и замер в ожидании. Когда машина подъехала совсем близко, мне пришлось отбежать к обочине, ведь она и не собиралась останавливаться. Когда машина проезжала мимо меня, я внимательно к ней пригляделся: это был кто-то чужой.

Мне захотелось взвыть. Я даже напряг для этого язык и горло, но у меня ничего не получилось, кроме глухого кашля. Немного ещё пометавшись на месте, я поплёлся дальше по дороге, не переставая думать о Хозяине.

Через какое-то время вокруг дороги на смену деревьям стали появляться дома. Сначала небольшие, а потом и высокие, даже выше нашего Дома. Я решил пойти в их сторону, надеясь отыскать там путь Домой.

Ветер усилился, и вскоре пошёл снег, так что мне в морду стали впиваться снежно-ледяные стаи, из-за которых почти ничего не было видно. Когда пробираться через этот поток стало совсем тяжело, я остановился и осмотрелся по сторонам. Справа от себя я разглядел высокий белый холм. С одной его стороны был крутой обледенелый склон, а с другой, более пологий, – заснеженная тропинка, по которой можно было взобраться, если ухитриться. Мне в голову пришла мысль залезть туда и посмотреть на город сверху: может быть, так у меня получилось бы найти дорогу Домой.

Я немного переждал метель и, когда она поуспокоилась, полез через сугробы к холму. Идти до него оказалось дольше и труднее, чем я думал. Сугробы намело такие высокие, что перебираться через них лапами было очень тяжело, будто я плыл в густом и холодном киселе.

Дойдя наконец до холма, я начал взбираться вверх по тропинке. Поднимаясь, заметил, что стало уже светать: над вершиной холма показалось уже почти утреннее серое небо.

Когда я оказался на вершине, уже совсем рассвело. Я подошёл ближе к краю. Передо мной раскинулся город с его кучей домов – больших и маленьких, серых и цветных... Но чужих. Я не видел среди них Дома.

Перед глазами вдруг возникло лицо Хозяина, ласково чешущего меня за ухом. Мне на мгновение так захотелось подойти к нему ближе и лизнуть его руку, что я машинально сделал шаг вперёд, и...

Соскочил с обрыва. Попытался зацепиться когтями за обледенелый склон, но удержаться не получилось. Меня стремительно тащило куда-то вниз. А потом стало темно.

***

Я проснулся. Как обычно, подскочив.

Отдышался. Посмотрел на стену: трещина на обоях за ночь разошлась ещё на пару сантиметров.

Вот уже несколько месяцев мне постоянно снился один и тот же сон, в котором я видел всё глазами собаки, причём с каждым разом этот сон обрастал всё новыми подробностями. Но неизменно он заканчивался падением с обрыва, от которого я всегда просыпался.

Немного отойдя от испуга, я почувствовал, что за ночь очень замёрз: несмотря на то, что я приноровился к здешнему холоду и по квартире ходил и даже спал уже только в уличной одежде, ночи теперь стали слишком холодными, так что это больше не спасало.

Засунув руку под кровать, я нащупал там телефон и поднял его, посмотрел на экран – 6:58. До подъёма оставалось чуть больше часа, пытаться заснуть уже не было смысла.

Поёживаясь, я вылез из постели и подошёл к окну. Рука машинально коснулась батареи – всё такая же холодная. За всё то время, что я здесь жил, она ни разу толком не нагревалась.

За окном было ещё темно, но в свете фонарей можно было разглядеть укутанных во всё чёрное людей, торопливо шагающих по нечищеным дорогам.

Я отошёл от окна и направился на кухню. По утрам меня всегда тошнило, поэтому есть не стал – только выпил воды.

Очень быстро собрался и пошёл к выходу – здесь меня ничего не держало.

В подъезде столкнулся с соседкой, странной женщиной лет пятидесяти, в любую погоду носящей огромную красную шляпу. Когда-то она приютила в подъезде семейство кошек и поселила его в картонной коробке на лестничном пролёте между первым и вторым этажами. И вот сейчас она, как и обычно, распевно, с совершенно идиотским выражением, вела беседу с несчастными животными.

– Вы хотите мне сказать, что вы голодны? Да, Маркиза? А не пробовали ли вы достать себе пропитание честным трудом? Как говорил ещё покойный Владимир Ильич Ленин, кто не работает, тот не ест! Царствие ему небесное! – она перекрестилась, а, заметив проходящего мимо меня, посмотрела

рела с вызовом, будто ожидая какой-то реакции.

Я постарался сделать вид, что настолько погружён в мысли, что вообще никого не заметил. Она ещё тараторила то ли мне вслед, то ли своим кошкам что-то про профсоюзы и трудовую повинность, а я, не останавливаясь ни на секунду, дошёл до двери, открыл её и вышел на улицу.

Холодный дух поздней осени тут же охватил с ног до головы. Я выдохнул и посмотрел на клубок пара, вылетевший из рта. В тусклом свете фонаря он быстро затерялся.

Я неохотно пошёл вперёд. Сегодня нужно было идти на работу – ужасно не хотелось, но я, как обычно, себя заставил. Времени до начала рабочего дня оставалось ещё много, поэтому решил пойти пешком.

Я не мог ходить по улицам в людное время – при виде толпы мне всегда хотелось убежать и закрыться в каком-нибудь укромном и тёмном месте. Но сейчас, перед рассветом, шагающих фигур вокруг было совсем немного, тем более в темноте я не мог различать их лица, что также помогало воспринимать окружающих как нечто безликое и не такое враждебное.

Утренний город, освещаемый лишь работающими через раз фонарями и иногда проезжающими в разные стороны усталыми машинами, неохотно и медленно копошился. Я механически шёл вперёд и думал о чём-то настолько неопределённом, что эти мысли невозможно было уловить уже через мгновение после того, как они промелькнули в голове.

Когда начало светать, я поднял голову на небо. Сразу же во мне оживились воспоминания из раннего детства.

Утро. Рассвет. Выпал первый снег, и папа везёт меня на санках в детский сад. Кажется, будто светло-серое небо тает и распадается на тысячи снежинок, которые потом падают на землю и мне на щёки. Мир кажется ещё, хоть и неизвестным, но безопасным и даже каким-то интересным.

Я насильно оборвал в себе эти воспоминания. Знал, что, если этого не сделать, то они захватили бы меня и я погряз бы в этих мыслях, как в густом, тёмном и тёплом болоте, и не смог бы ещё долго собраться ни для чего.

Так что я специально сосредоточил всё внимание на том, чтобы просто идти и смотреть на дорогу. Череду плиток двух цветов – серого и грязно-бардового – завораживала: я как-то машинально старался не наступать на пересечения между ними, а когда всё-таки наступал, то будто бы чувствовал эти пересечения ступнями сквозь подошвы. Когда плитка сменилась асфальтом, я снова взглянул выше: впереди за домами показалась огромная, сверкающая всем своим безвкусием вывеска «ГУЛЛИВЕР». Я на мгновение остановился от нахлынувших тошнотворных ассоциаций, но потом взял себя в руки и после очередного усилия всё-таки продолжил идти.

Спустя пару минут я оказался у входа в это тёмно-коричневое здание с зеркальными, чуть синеватыми стёклами, поразительно мутно отражающими небо. Чуть поодаль стоял

огромный пластмассовый мужик в шляпе, при виде которого часто от испуга плакали дети. С привлечением покупателей эта несуразная громадина, очевидно, не справлялась, но это, видимо, никого не волновало.

Поднимаясь по ступенькам ко входным дверям, я подумал о том, что, если сейчас не купить какой-нибудь еды, то к концу дня у меня опять помутнеет в глазах и закончатся силы. Поэтому, миновав со скрипом раздвинувшиеся автоматические двери, я направился в супермаркет, вывеска которого истерично мигала, не давая посетителям прямо с порога шанса быть незамеченной.

В супермаркете всегда горел ужасно яркий свет, будто бы бьющий каждую секунду по глазам. Заходя, я достал из рюкзака солнечные очки и надел их, стараясь не обращать внимания на тарасившегося на меня охранника. Несмотря на то, что торговый центр только открылся, в супермаркете было уже полно людей. Я старался идти, прижимаясь к стенке, чтобы никак с ними не контактировать.

Супермаркет мне всегда напоминал странный лабиринт, который как будто облили откуда-то сверху сразу всеми красками одновременно. Череди пёстрых упаковок поднималась с нижних полок всё выше к ярко-красным табличкам, кричащим о скидках и супер-предложениях – от всего этого рябило в глазах. Очки всё же немного помогали, так что в этот раз я старался не сбиваться с мысли и не забывать, зачем сюда пришёл.

Когда я свернул из очередного витринного коридора к боковой полке с хлебом, то увиделдвигающуюся мне навстречу женщину в ярко-рыжей шубе и плетущуюся где-то вокруг её ног девочку. Женщина шла быстро, но при этом непрерывно смотря в одну точку. Вдруг она остановилась и совершенно отрешённо спросила у девочки:

– Марина... А зачем мы сюда пришли?

– За помидорами, – ответила та.

– Да-а-а?... – женщина стеклянным взглядом уткнулась куда-то в потолок. – А зачем нам помидоры?..

Я решил поспешить в отдел овощей и фруктов, пока эти странные дамы тоже туда не направились.

К сожалению, там я всё равно оказался не один. Рядом с лотком с яблоками стоял сморщенный дед с сетчатой авоськой. Грязными пальцами он щупал одно яблоко за другим и безглаголиво морщился:

– Дрянь! Какая же мерзость! Одно говно!

Перещупав все яблоки в лотке, он, продолжая произносить ругательства, набрал себе полную авоську яблок и с довольным видом пошёл в сторону касс.

Мне перехотелось покупать еду. Я взял с соседней полки бутылку воды и, немного потерев её в руках, пошёл на выход.

Из длинной очереди касс работали только две. Около одной из них уже стоял дед с авоськой и громко, с нескрываемым наслаждением, отчитывал за что-то кассиршу, поэтому

я подошёл к другой.

За этой кассой была знакомая мне женщина, которая иногда заходила в книжный, где я работал. Покупала она всегда одни и те же тоненькие книги розового и сиреневого цвета, заголовки которых обещали помочь «многokrратно взрастить женственность за две недели» и «научиться управлять миром силой женской энергии». Я не знал, как именно решила управлять миром эта кассирша силой своей женской энергии, но такое намерение меня пугало.

Она лениво взяла мою бутылку воды и пробила её, равнодушно причмокивая жвачкой.

Я расплатился и вышел из супермаркета. Очки решил не снимать.

Вставая на эскалатор, увидел нескольких подростков, спускающихся мне навстречу с противоположной стороны. На меня вдруг накатила волна тревоги, и я даже хотел было сойти с эскалатора назад, но он поднял меня уже слишком высоко. Я в панике отвернулся в сторону и закрыл глаза. Услышал за спиной смеющийся гнусавый хор.

Отдышался и открыл глаза. Я был уже почти наверху. Сойдя с эскалатора, немного постоял на месте, пытаюсь утихомирить в голове упрямо вспыхивающие воспоминания. Школа. Перемена. Тёмный угол. Шершавая стена. Громкий хохот.

Я больно шлёпнул себя по щеке, чтобы остановить этот поток. Воспоминания всегда пытались засосать меня в себя,

словно трясина, поглотить и уже не выпускать наружу.

Вдалеке маячил зелёный огонёк – кислотная вывеска, на которой был изображён противный розовый опарыш, проедающий книгу, а ниже мелькало название магазина – «Книжный червь».

Я направился туда, думая об очередном мучительном рабочем дне, который мне предстоял. Я уже сбился со счёта, сколько месяцев или лет я мечтал уволиться, но всё время себя одёргивал и запрещал себе это, потому что не знал, на что в таком случае я бы жил. Чувство загнанности в ловушку меня не покидало: как будто сам факт того, что я родился на свет с телом, которое нужно кормить и поить, вынуждал меня бесконечно заниматься чем-то, что заставляет страдать. Это так странно – быть в заложниках у своего тела, особенно в мире, который с этим уже свыкся и воспринимает это как что-то само собой разумеющееся.

Я подошёл ко входу в «Книжный червь». Неподалёку от него, рядом со входом в соседний магазин с детской одеждой, стояла женщина с коляской и, широко размахивая руками, разговаривала по мобильному телефону:

– А я ему говорю: «Да даже животные так себя не ведут! Даже белочка несёт своему бельчонку самые лучшие орешки в дупло! Даже мышка тащит своему мышонку самый лучший кусок сыра в норку! А ты, гад такой, жалеешь денег своему родному ребёнку даже на шмотки! Мразь ты бессовестная! Ублюдок конченный!» А он слушает и просто лыбится,

ты представляешь?!

Ребёнок в коляске начал жалобно стонать. Женщина посмотрела на него раздражённо:

– Замолчи! Дай мама с тётёй Наташей поговорит, – она заткнула ребёнку рот соской и продолжила жаловаться. – А я ему говорю: «Да что ж ты за отец-то после этого такой?!»...

Мне стало не по себе. В заглушённом соской плаче ребёнка невольно улавливалось что-то болезненно знакомое. Чтобы опять не заикливаться, я пошёл дальше и оказался в магазине.

Передо мной предстали знакомые стеллажи с книгами, с которых, как и каждое утро, сейчас мне предстояло протирать пыль. Неоспоримым преимуществом книжного перед другими здешними магазинами было то, что в нём практически не встречалось посетителей. Что-то более или менее похожее на ажиотаж здесь возникало лишь накануне больших праздников: в «Книжный червь» забегали взъерошенные люди с огромными пакетами в руках и сметали товары, которые лежали поближе к кассе. В такие дни я старался под предлогом болезни не выходить на работу. В обычное же время за день сюда заходило всего несколько посетителей, – в общем, в подобных условиях ещё можно было как-то существовать. Впрочем, чувство тошноты от пребывания здесь у меня всё равно усиливалось с каждым днём.

Я направился вглубь магазина. За кассой уже стояла Лера. Она неохотно кивнула мне, как бы поприветствовав. Я

поступил так же.

Лера была на пару лет меня младше. Единственное, что нас с ней объединяло, – она тоже ненавидела эту работу. Когда-то она раздражённо сказала, что её родителям, видимо, приснилось, будто они прогрессивные американские бизнесмены, поэтому они решили приучать её к труду с начальной школы. Она работала на каждом каникулах в самых разных местах и, к собственной радости, отовсюду быстро увольнялась за профнепригодность. Но когда школа закончилась и Лере понадобились деньги, ей всё-таки пришлось сделать над собой усилие, чтобы на очередном месте работы задержаться. Им по случайному стечению обстоятельств оказался «Книжный червь».

Из всех, с кем мне приходилось делить смену, Лера была не худшим вариантом – она никогда не навязывалась для разговора, даже когда ей было очень скучно. Сегодня, как это часто бывало, в первой половине дня мы должны были работать с Лерой вдвоём, а к вечеру к нам присоединился кто-то третий. Я взмолился, чтобы это не был Феофан – безумный рыжий мужчина, который всегда пытался меня разговорить и внушал, что любая хандра проходит, если пить витамины.

Я обошёл стеллаж с эзотерической литературой и открыл дверь с надписью «Служебное помещение». Это была маленькая комнатка, захламлённая со всех сторон всяким мусором. У левой стены стояли шкафчики, напоминающие холодильные камеры в морге, – в них хранилась наша рабочая

форма.

В противоположном углу на какой-то странной халабуде стоял старенький телевизор, вещающий с помехами. В нём сейчас было включено крикливое ток-шоу, где ведущий, пузатый мужик в костюме, вместе с поддакивающими ему гостями, ещё более пузатыми мужиками в аналогичных костюмах, всячески унижал участвующего в этом ужасе американского эксперта – тоже в костюме, но несколько более худощавого телосложения и с выдающимся нервным тиком.

Я нашёл в кипе валяющихся рядом с телевизором испитых бумаг пульт и переключил канал. Попал на знакомый зарубежный сериал про женщину, работающую дизайнером одежды. Лицо главной героини было до такой степени узнаваемым, что я на какое-то время застыл, пытаюсь вспомнить, где и когда мог его видеть. Ответ резко ударил в голову яркой горячей вспышкой: в детстве я смотрел этот сериал с мамой. Новая волна воспоминаний нахлынула мгновенно, и я не успел от неё укрыться.

Кухня. Вечер. Включённый телевизор. Мама вяжет мне свитер, поглядывая иногда на экран. Я сижу чуть поодаль и пью какао. На плите готовятся оладьи. Мне тепло и уютно, и где-то в глубине души хочется, чтобы я чувствовал себя так всегда. Мама просит меня подойти к плите и проверить оладьи. Я встаю с дивана.

– Чего стоим, кого ждём? – выдернул меня из воспоминаний сердитый голос моего начальника.

Я обернулся и увидел в дверном проёме Андрея Витальевича. Он выглядел, как всегда, бодро, и на этот раз с явным оттенком недовольства.

– Быстрее переодевайся, там новые стикеры до сих пор не наклеены!

Андрей Витальевич был помешан на стикерах и прочих вещах, которые, как он говорил, должны «стимулировать сбыт». Он получил образование маркетолога, поэтому сейчас, будучи директором магазина, смотрел на свою работу прежде всего именно с такой точки зрения. Он регулярно устраивал мне и другим продавцам лекции по мерчендайзингу, увлечённо просвещая нас в том, какие книги в каком месте и порядке нужно расставлять, а также какие стикеры и куда нужно наклеивать. «Наша цель – навязать человеку свою волю!» – говорил он, и его лицо в этот момент светилось от счастья.

Когда Андрей Витальевич скрылся за дверью, я стал переодеваться в рабочую форму. Сегодня мне не повезло: он решил нагреться в магазин, хотя делал это редко. Примерно раз в две недели он внезапно врывается к нам, нёсся вглубь магазина, сходу давал всем работникам указания что-нибудь «улучшить, развить и интенсифицировать», потом задевал на полке какую-нибудь книгу, давал указание её поправить и уходил прочь.

Примерно так вышло и сегодня: когда я приоткрыл дверь из служебного помещения, Андрей Витальевич уже направ-

лялся к выходу из магазина. Я подождал, когда тот скроется совсем, и вышел в торговый зал. Покупателей ещё не было, поэтому я подошёл к стойке рядом с кассой, где лежали стикеры. Сложил их в одну стопку, прихватил листок с указаниями по расклеиванию и пошёл в сторону нужных полок.

Начал с раздела «Историческая литература». На серых и бежевых обложках учебников истории ярких бумажек с надписями «ЛУЧШАЯ ЦЕНА» и «ХИТ ПРОДАЖ» не предполагалось – наклеивать их нужно было на стоящие рядом кричаще-красные книги какого-то известного телеведущего. В них он, как следовало из названий, раскрывал заговоры тайного мирового правительства, рептилоидов и инопланетян.

Наклеивая стикеры на обложки, с которых на меня смотрел сам телеведущий на пугающем фоне из глаз и пирамид, я не заметил, как ко мне со спины подкралась женщина.

– Молодой человек! – резко обратилась она, отчего я вздрогнул и чуть не выронил из рук стикеры. – Подскажите, где я могу найти книгу «Культ предков»?

Я обернулся и увидел женщину средних лет в пиджаке, расписанном хохломой. Она как-то странно улыбалась и пристально смотрела на меня, ожидая ответа. Я ошарашенно махнул рукой в сторону книг, на которые только что наклеил стикеры.

– Ой, да-да! Спасибо, вижу! – она подошла к полке и бережно вытащила оттуда одну из книг, тут же прижав её к груди. – Как же я люблю этого автора! Я вот неделю назад

закончила читать его «Космический каннибализм» – ох, такая стоящая вещь!

Женщина принялась посвящать меня в содержание этого произведения, а её улыбка, удерживаемая даже во время разговора, становилась со временем всё более и более жуткой.

– Алкоголизм среди людей внедряют рептоиды, они же рептилоиды, по-русски драконы, а в индийских ведах они называются наги. У них есть способность вселяться в чужие души для того, чтобы настраивать людей на пьянство. Недаром в народе говорят: «зелёный змий»! Эти змии, наги, специально делают людей алкоголиками, чтобы потом пожирать их души. Ведь в Космосе есть законы, и один из них гласит, что пожирать души живых существ нельзя. А между тем, наги регулярно употребляют человеческую кровь и плоть! В Москве даже есть ночные рестораны, где подают человечину. Даже наш любимый режиссёр в своей передаче часто говорит, что сейчас в мире всюю внедряется андропофагия, то есть людоедство! И вот возьмите пример – на Украине война, в Белоруссии революция!.. И что там сейчас творится – на Украине отправляют людей на органы, а в Белоруссии процветает людоедство! Но все эти преступления ведь совершают вовсе не люди... Ещё раз напоминаю, что в индийских ведах упоминаются наги, которые могут приобретать облик человека. И вот эти наги, эти рептоиды, рептилоиды, по-русски драконы, специально делают людей пьяницами, для того, чтобы загубить их души и оправдать этим лю-

доедство: дескать, они уже не люди, они просто животные, вот мы их и пожираем!..

У меня заболела голова. Я перестал понимать, что рассказывала мне эта женщина и чего она хотела от меня добиться. Из-за стремительно усиливающейся головной боли я больше не вслушивался в её слова, а она всё продолжала своё словесное наступление.

Когда в школьные годы меня за что-то ругали учителя, я не находил лучшего способа им ответить, кроме как полностью отключиться, перестать воспринимать их слова и как-либо реагировать. Я мысленно погружался на дно реки, всё ниже и ниже, и толща густой, тёмной воды полностью отгораживала меня от всех упрёков и гнева. Я предоставлял учителям возможность выплеснуть на меня свою ярость, пока я их не слышал, сидя на дне в окружении водорослей, а выныривал обратно на свет, когда они уже успокаивались.

Я попытался проделать такой фокус и сейчас, но, не успев я нарисовать в своём воображении речное дно, на которое хотел опуститься, как что-то жёсткое вдруг схватило меня за руку.

Я дёрнулся и чуть не столкнул с полки книгу. Посмотрел на свою руку – её сжимали сморщенные старческие пальцы. Я поднял голову и увидел того самого деда, скандалившего в супермаркете.

– Ты что, глухой?! Я кому говорю?!

Я вырвал свою руку из его захвата и отскочил на два ша-

га назад. Дед тут же снова приблизился ко мне. Женщина в пиджаке с хохломой стояла уже в другом конце магазина – неужели у меня всё-таки получилось отключиться?

– Ты что, глухой, ты меня слышишь, эй?! – дед толкнул меня в плечо.

Я испуганно кивнул.

– Где тут у вас «Комсомолка»?

– Что? – не понял я.

– «Комсомолка» где у вас лежит, дурень ты пустоголовый?!

Ошарашенно постаравшись осмыслить услышанное, я вдруг догадался, что речь идёт о газете.

– У нас не продаются газеты.

– Чего?!

– Мы не продаём газеты. Это книжный магазин, а не киоск.

– Ты с кем пререкаешься, сопляк?! Совсем совесть потеряли! Мы им жизнь спасли! Да если бы не мы... Тебя твои родители паскудные вообще ничему не учили?!

Боль. Мне вдруг стало нечем дышать. В глазах всё расплылось. Брошенные стариком слова вмиг разбудили во мне именно те – самые страшные – воспоминания. Воспоминания, которые я боязливо хранил в самом дальнем углу своей памяти, опасаясь их даже случайно затронуть. Воспоминания, которые наводили на меня ужас такой степени, что я даже не мог выговорить о них ни слова вслух. Воспоминания

о дне, когда мой мир рухнул.

Тут же всё пронеслось перед глазами, как будто произошло вчера.

Едкий звук телефонного звонка, исходящий от старенького коричневого домашнего телефона, стоящего в углу комнаты. Я подхожу и беру трубку. Слышу те самые слова. Авария. Папа скончался на месте, мама в коме. Я кладу трубку, внезапно подрываюсь и начинаю носиться по квартире взад-вперёд, рыдая. Не понимая, зачем это делаю, ношусь всё быстрее, врезаюсь в мебель, сталкиваю на пути стулья и сбиваю с полки книги. Потом падаю без сил и засыпаю. Проснувшись на утро, долго не решаюсь встать с места – просто лежу и надеюсь, что мне всё приснилось. Надежда разбивается звонком мамино двоюродного брата, дяди Жени. Еду в больницу. Не успеваю: врач с порога сообщает мне, что мама умерла. Приезжает дядя Женя, не даёт мне на неё посмотреть, говорит, что «без этого мне будет легче». Как в тумане, бреду по городу куда-то в сторону дома. На перекрёстке сталкиваюсь с соседкой по лестничной клетке, бабой Верой. Пока мы стоим у светофора, она пытается выпытать у меня, жива ли мама, где похоронят папу и с кем я теперь буду жить. Я в ужасе убегаю от неё через дорогу на красный свет. Через два дня случаются похороны. На них неизвестные люди с носовыми платками по очереди подходят ко мне и, прижимаясь к моей щеке своей колючей одеждой, причитают о том, «как же я теперь буду». После похорон я узнаю, что дядя Женя

готов взять надо мной опеку, чтобы меня не забрали в интернат. После того, как долгое, тягостное хождение по коридорам и кабинетам для оформления документов заканчивается, мы видимся с ним раз в полгода: он уезжает к своей семье в соседний город, а я остаюсь жить здесь один в квартире.

Я стал медленно выплывать из воспоминаний в действительность, постепенно начиная замечать всё больше подробностей пространства вокруг себя. Вот противно горит на потолке длинная белая лампа. Вот пестрят разноцветными обложками книги. Вот стоит, побагровевший от ора и возмущения, страшный старик.

Собрав по кусочкам весь магазин, я бросил на пол стикеры и стремительно направился в комнату, где лежали мои вещи. Вмиг переделся и, с абсолютной уверенностью, что никогда больше сюда не вернусь, направился к выходу. Вслед мне что-то кричала Лера, но это было уже безразлично. Сейчас мне непременно нужно было попасть только в одно место.

Странный оглушающий эффект от испытанного потрясения продлился ещё долго: я почти не заметил, как вышел из торгового центра, свернул на соседнюю улицу и прошёл по ней с десятков кварталов. Меня несло, и я не замечал вокруг себя ни людей, ни машин: будто бы я находился в мыльном пузыре, за стенками которого мир затих и перестал пытаться растревожить меня своей суетой.

Очнулся я лишь у чёрного металлического забора, вдоль которого располагались развалы с живыми и искусственными цветами. Работающие там женщины поёживались от холода и равнодушно смотрели куда-то вдаль.

Я нашёл отверстие в заборе и зашёл на территорию кладбища. Путь до могилы был мне известен до мелочей, как что-то родное: сперва нужно обогнуть церковь, за ней пойти прямо по потрескавшейся асфальтовой дорожке вплоть до первого перекрёстка и там свернуть налево.

Минут через пять я оказался около высокого дуба, под которым был участок с могилами моих родителей. Мне нравилось, что летом дуб полностью закрывал своей кроной это место, так что оно всегда находилось в тени. Но сейчас голые ствол и ветки не давали такой массивной тени, а как будто бы наоборот только привлекали к могилам внимание. Хоть я сам и любил разглядывать чужие памятники, от мысли о том, что кто-то другой, проходя мимо, разглядывает участок моих родителей, становилось не по себе.

Я прошёл через калитку в заборчике и сел на маленькую деревянную скамейку, установленную прямо напротив надгробий. Глаза тут же по привычке пробежались по выбитым на них датам и родным именам.

Я выдохнул, как будто с облегчением. Жизнь всегда пугала меня своей непредсказуемостью, постоянным стремлением поменяться, развернуться, выскочить из-под всякого контроля. Поэтому вид каменных плит, неизменно и надёж-

но стоявших здесь в течение многих лет, успокаивал.

После утраты родителей я как-то перестал бояться смерти. Она, напротив, стала моим другом. Мысли о конечности всего выступали иногда последним утешением: когда ужас от жизни становился совсем невыносимым, я напоминал себе, что даже самый лютый кошмар может закончиться тем, что ты просто уснёшь и никогда больше в него не вернёшься. Некоторые люди, правда, говорили, что после окончания этой жизни есть ещё какие-то другие, но я надеялся, что они ошибаются.

Иногда я думал о том, что сделают с моим телом, когда я умру. Скорее всего, меня бы решили подхоронить к родителям. Но дядя Женя, живя в другом городе, не стал бы следить за могилой. Если только Рома?.. Нет, он тоже не стал бы. Он так отгонял во всех наших разговорах от себя тему смерти, что я даже не мог себе представить его на кладбище. Тогда, наверное, меня следовало бы кремировать, а прах высыпать где-нибудь...

Раздался звонок. Я испугался, что это был кто-то из «Книжного червя». Подождав секунд пять, я заставил себя достать телефон из кармана и тут же успокоился – звонил как раз Рома.

– Йоу, чё делаешь? – поприветствовал он, как всегда, бодро.

– Сижу на кладбище.

– А-а-а, ну понятно... Когда трупами надышишься, под-

валивай на Первомайскую, окей?

Я на секунду задумался, пытаюсь внутренне определить, были ли у меня силы сегодня общаться с Ромой.

– Окей, – всё-таки ответил я.

Рома всегда появлялся внезапно. Его жизнерадостный тон, за которым скрывалось что-то куда более сложное, иногда раздражал, а иногда наоборот внушал какую-то смутную надежду.

Мы были знакомы с ним с раннего детства. Нам было лет по пять – тогда мы с родителями жили ещё в Жёлтом Доме, а Рома, который жил в соседнем, прибегал играть к нам во двор. Помню, как мы покупали с ним маленькие чёрные пестарды, которые называли бомбами, потом Рома клал их в песочницу, засыпал сверху песком, и они смешно покали где-то внутри.

Когда началась школа, мы стали видеться с Ромой гораздо реже. А потом мы с родителями и вовсе переехали из Жёлтого Дома на новую квартиру. Прожить в ней вместе нам было суждено недолго – спустя полгода после новоселья родители умерли.

После того, как дядя Женя оформил документы об опеке и уехал, около месяца мне было безумно страшно выходить на улицу. Целыми днями я сидел в комнате с зашторенными окнами и выключенным светом. Всё, что я мог делать – это до тошноты разглядывать в сумерках узоры на обоях. Несколько раз, когда заканчивалась еда, я заставлял себя

сходить в ближайший магазин, а возвращался оттуда в истерике. Когда в очередной раз у меня закончились продукты и я не смог заставить себя вновь выйти на улицу, я решился позвонить Роме и попросить его принести мне еды. Продукты он принёс почти сразу же, а через несколько дней уговорил меня выйти с ним на улицу. Несмотря на все мои возражения, он потащил меня в парк, там дал попробовать алкоголь и повёл кататься на аттракционах. Помню, как под конец того вечера я подумал, что жить всё-таки можно, если закрыть глаза абсолютно на всё.

К сожалению, приводить себя в такое состояние я мог не всегда и ненадолго. После того вечера я снова стал ходить в школу, но она вскоре стала для меня новым кошмаром.

Рома же с каждым годом ходил в школу всё реже. Вместо этого он стал активно заниматься своей личной жизнью: постоянно с кем-то знакомился и строил романтические отношения и с девушками, и с парнями, и даже с совсем взрослыми людьми.

Когда мы изредка виделись с Ромой, почти всё время он посвящал рассказам о своих многочисленных любовных перипетиях. Начинались же наши встречи всегда одинаково – он внезапно звонил и так, словно в последний раз мы разговаривали буквально пять минут назад, предлагал где-нибудь увидеться. Иногда я понимал, что у меня не было на это сил, и отказывался. Но порой, как и в этот раз, что-то подталкивало меня согласиться.

Я встал со скамейки и подошёл ближе к памятникам. Зажмурился, мысленно обнимая сначала маму, потом папу. На памятниках не было портретов – дядя Женя сначала долго откладывал их установку, а потом, похоже, и вовсе об этом забыл. Впрочем, портреты на камнях мне и не были нужны – я помнил лица родителей до мелочей.

Мысленно попрощавшись, я заставил себя уйти, иначе детские воспоминания вновь захлестнули бы меня, так что до Ромы я сегодня уже бы не добрался.

Направившись по тропинке к выходу с кладбища, я не смог в очередной раз не зацепиться взглядом за стоящий недалеко от родительских могил странный фигурный памятник. Выделялся на фоне остальных он не только своей причудливой формой, напоминающей орех, но и необычной надписью – на нём вместо двух дат была выбита лишь одна, «29 февраля 1912 г.», а ниже было подписано: «Убоясь внь утробы лишиться материнской любви, заручился вьчной». Каждый раз, проходя мимо, я невольно начинал размышлять об этом человеке и его странной судьбе – попрощаться с жизнью, не успев её увидеть. Такая участь мне казалась ярчайшим примером хаотичности и абсурдности жизни, а надпись на памятнике – примером того, что даже такие случаи, как смерть в утробе, люди стремятся наделить каким-то особым, сакральным значением, лишь бы не признаваться себе в полном отсутствии во всей жизни всякого смысла.

Продолжая разглядывать памятники и кресты, я незамет-

но добрался до выхода с кладбища. Проходя мимо церкви, увидел двух выходящих из неё женщин в платках. Одна из них тараторила другой на ухо:

– А это твоё обжорство, небось, от того, шо на тебя хто-то порчу навёл! Ты пойдн к бабке какой... Я вот в позапрошлом годе, помнится, захворала, так мне бабка сделала заговор, и язвенный колит как рукой сняло!

Женщины сняли платки, трижды перекрестились и поковыляли к отверстию в заборе. Я дождался, пока они скроются, и сам направился к выходу.

Оказавшись за забором, осторожно пошёл по устланному полусгнившей листвой тротуару, стараясь держать максимальную дистанцию от других людей. До Первомайской улицы идти было недалеко, но прогулки в людных местах при свете дня всегда давались мне тяжело – каждый человек, который встречался на пути, казалось, пытался вторгнуться в моё пространство. Я убеждал себя, что на самом деле я никому не нужен и всем на меня плевать, но это не помогало успокоиться. Любой случайный взгляд в мою сторону ощущался, словно острая иголка, впивающаяся глубоко в кожу, и, когда этих иголок становилось совсем много, от боли у меня даже подкашивались ноги.

Чтобы отвлечься, стал разглядывать землю под ногами. Валяющиеся на асфальте листья редко выглядели свежее-опавшими, яркими и красивыми, – в основном, они были уже сморщенные, тёмно-коричневые, пропитанные насквозь

дождевой влагой. Смотреть на них было неприятно, но, в то же время, их изнеможённый вид вызывал жалость, которую обычно испытываешь, глядя на животных, измученных голодом и болезнями.

Так я продолжал механически идти вперёд, пока меня не окликнул знакомый весёлый голос.

– Эй, Сирота! Я тут!

Рома знал, что мне не нравилось это прозвище, но все мои просьбы перестать меня так называть он, со свойственной ему непринуждённостью, игнорировал.

– Привет, – сказал я, подходя к Роме ближе.

Он стоял посреди тротуара, держа в руках полупрозрачный целлофановый пакет, в котором можно было разглядеть несколько бутылок разного алкоголя.

– Я вот решил закупиться продуктами на неделю, – Рома поднял позвякивающий пакет и хохотнул.

Мы отошли к стене. Рома поставил пакет на землю, раскрыл его и достал бутылку пива. Прислонил её горлышком к выступу под окном, резко дёрнул, и крышка отлетела. Потом он с наслаждением сделал первый глоток и, вновь посмотрев на пакет, сказал:

– Тут вермут, коньяк и водка. А ещё... мне недавно врач сказал употреблять в пищу больше зелёного, так что я решил взять абсент.

Рома бережно взял пакет в руку, и мы пошли вдоль стены.

– Угадай, у кого я вчера был?! – начал он с нарочито ин-

тригующей интонацией и, не став дожидаться моих предположений, сам дал ответ. – У Оли!

– У Оли? Она же вроде бы тебя бросила?

– Ну да, бросила. Да у неё сила броска маленькая! Ха! Вчера снова тусили у неё.

Рома сделал ещё один большой глоток пива и с улыбкой добавил:

– Но сейчас я хочу закинуть свой невод в другое море.

Он достал из кармана телефон и нажал на нём на ярко-оранжевую иконку – это было приложение для гей-знакомств.

– Посмотрим, что тут сегодня бог послал... – задумчиво сказал Рома и стал энергично перебирать на экране разные анкеты.

Послышался крик. Резко из-за угла выскочило большое чёрное пятно – приглядевшись, я понял, что это были двое дерущихся мужчин. Они яростно колотили друг друга и в перерывах между ударами успевали выкрикивать ругательства. Потом один из них повалил другого на землю и стал бить ногой по лицу.

– У-у-у, пошли-ка отсюда, тут и без нас весело!.. – сказал Рома, подтолкнул меня со спины, и мы быстро пошли к противоположному концу дома.

Свернув во двор, сбавили темп. Рома раздражённо покачал головой:

– Как меня задолбало, что в этой стране везде одно было!

Примитивизм, конечно, бывает хорош, но в живописи, а не в людях!

Мы подошли к ближайшему подъезду и сели на лавочку. Рома достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, неудачно попытался их поподкидывать, словно жонглёр, затем поджёг одну из сигарет и закурил. Сделав несколько затяжек, взял в руку телефон и продолжил перебирать анкеты в приложении.

– Ну а у тебя чё как? – спросил он мимоходом.

Я помедлил с ответом. С одной стороны, мне не хотелось грузить Рому негативом, тем более, что на него он всегда реагировал упорным отрицанием, но, с другой стороны, ничего позитивного выдать из себя я не мог. Решил сказать правду.

– Мне очень страшно.

– О-ой... У меня сейчас пиво скиснет от тебя! – сказал он раздражённо, но потом, будто сообразив, что погорячился, добавил более участливо, – что на этот раз случилось?

Мне хотелось ответить, что ничего принципиально нового и не должно было случаться – жизнь в принципе страшна, но, вспомнив о том, что сегодня произошло, сказал:

– Я сегодня сбежал с работы. Больше не могу там находиться. И я не знаю, как буду жить дальше.

– Подумаешь! Придумаем! – легко сказал Рома и сделал ещё один глоток пива. – Ты лучше посмотри, какой клад я тут откопал!

Он протянул мне телефон, на экране которого была открыта переписка с неким Аркадием.

– Ему 30 лет, у него ВИЧ, и он из принципа не лечится, – заинтриговал Рома.

Короткая переписка заканчивалась сообщением Аркадия: «Я осознал, что то, что со мной произошло, – это закономерный итог моего прошлого образа жизни, моего неизбежного потакания тришне, всем тем жаждам и сиюминутным стремлениям, что неизбежно раскручивают колесо сансары. Учитывая это, принимать терапию мне представляется бессмысленным – ведь болезнь дана мне в наказание, а, значит, пока я не искуплю свою вину перед мирозданием, она меня не отпустит. Поэтому теперь я очищаю карму, стараюсь соблюдать дхарму и иногда устраиваю друзьям ЛСД-трипы».

– Вот видишь, каких интересных людей я нахожу! – сказал Рома с неподдельной гордостью.

Пока я читал сообщение Аркадия, Рома уже успел опустошить свою бутылку. Кинув её в стоящий в двух метрах от нас мусорный бак, он нетерпеливо зашуршал пакетом, выбирая себе следующий напиток.

– Надо будет с этим типом сдружиться, может, подгонит чего хорошего.

Поймав себя на этой мысли, Рома резко выпустил пакет из рук, схватил телефон и стремительно набрал в чат: «А кроме ЛСД ещё чем-нибудь располагаешь?». Ответ не заставил себя долго ждать: «Да, если нужно».

– Отлично! – воскликнул Рома, потирая руки.

– Это что, он наркотиками торгует? – робко уточнил я.

– Ну да! Да будет тебе известно, наркоторговля в России

– это единственная сфера бизнеса, в которой нет государственного сегмента, поэтому там есть высокая конкуренция и хороший сервис!

Рома назидательно покачал пальцем. Задумчиво посмотрев куда-то вверх, добавил:

– Интересно только, дорого ли у него. А то и так дебет с кредитом уже еле сводится! Всё на военник никак не накоплю.

Мне вдруг стало не по себе. Лицо скривило от брезгливости. Слово «военник» разбудило в голове отвратительное воспоминание о военкомате.

Пожелтевшие жалюзи, старый облупленный паркет и груды бумаг, лежащие на столах со стеклянным покрытием. Меня насильно раздевают. Трогают, вертят и рассматривают. Я вжимаюсь в себя и пытаюсь мысленно убраться из этого ада: это не я, не я, это просто кусок мяса, это его щупают и на него кричат. Я почти отключаюсь, но иногда ко мне вспышками прорываются отдельные омерзительные образы. Злая тётка с пергидрольными волосами в белом засаленном халате. Пузатые мужики в военной форме, говорящие что-то, интенсивно перебирая челюстями. Развешенные на стенах плакаты с оружием и окровавленными трупами. Полные тоски и безнадёги глаза парней вокруг. Валяющиеся в проходе бо-

тинки. В конце концов у меня всё-таки получается до конца уйти в себя – дорогу обратно я уже не помню.

Рома провёл у меня рукой перед глазами, и я выплыл из воспоминаний.

– Эй, ты чего?.. Ты аж побледнел! А, если учесть, что ты и так всегда цвета трупa, то побледневший ты – это вообще уже какая-то тёмная материя.

– Да так, просто немного не по себе стало...

– Это всё от недопития! – с укоризной в голосе сказал Рома и достал из пакета бутылку вермута. Снял крышку, сделал глоток и жестом предложил выпить мне – я отказался.

Сделав ещё несколько глотков, Рома закупорил бутылку и достал из кармана сигареты.

Послышался писк от открывшейся входной двери. Из подъезда, рядом с которым мы сидели, выскочила девушка лет восемнадцати в наспех застёгнутой куртке и с заплаканными глазами. Потупив взгляд, она стремительно прошла несколько метров, затем развернулась, подошла к нашей лавке и резко на неё опустилась.

– Будет сигарета? – без церемоний обратилась она к Роме.

Рома, не растерявшись, достал одну из двух оставшихся в пачке сигарет и деланно запричитал:

– Вот, предпоследняя. Как от сердца отрываю!

Девушка молча взяла сигарету, взглядом потребовала у Ромы зажигалку, как-то неловко ею воспользовалась и наконец закурила. После того, как Рома последовал её примеру,

пару минут мы сидели молча.

Я заметил, что уже начало темнеть. Дни стали совсем короткими – скоро зима. Когда-то я любил зиму, она ассоциировалась у меня с праздниками и домашним уютом. Теперь же это время года представлялось бесконечными темнотой и холодом, из-за которых становились тяжелее даже самые привычные повседневные действия.

Роме надоело сидеть молча, и он спросил у девушки:

– Красавица, тебя как звать?

– Ясна, – мрачно ответила она.

– Ясно! – усмехнулся Рома и сделал очередной глоток вермута. – А чего ж ты с таким именем такая хмурая?

Она посмотрела на него раздражённо, молча посидела ещё какое-то время, а потом всё-таки решилась выговориться:

– Отец сегодня опять злой был. Ударил мать. Я за неё заступилась, а он ещё сильнее рассердился и разбил мой телефон.

– Да-а-а... – протянул Рома, – ну хоть не голову!.. А вообще, съезжай-ка ты от предков поскорее. Я вот со своими уже два года не общаюсь и прекрасно себя чувствую!

Запрокинув голову, Рома залпом выпил ещё около трети бутылки. Мне показалось, что в этот момент на его лице сквозь маску вечного веселья на мгновение проступила боль. Такое случалось очень редко, и каждый раз меня безумно пугало.

– Мне очень жалко маму. Хотя на самом деле и отца тоже жалко. Всех жалко... – грустно прошептала Ясна.

– Себя бы лучше пожалела, – сердито сказал Рома, чуть не выронив бутылку из рук.

– Всё, хватит! Не надо об этом! Пожалуйста. Давайте о чём-нибудь другом!

– Да не вопрос, о другом – так о другом! Ты горловой минет делать умеешь?

– Чего? – смущённо переспросила Ясна.

– Не умеешь? Ничего страшного, не расстраивайся! – участливо сказал Рома. – Я умею, могу тебя научить! Это на самом деле несложно. Главное – научиться сдерживать рвотные позывы. А этому нас всех жизнь в России и так уже научила!

Рома рассмеялся и снова взялся за бутылку.

– Я пойду... У меня дела есть, – сказала Ясна и встала со скамейки.

– Ступай, дорогая. Я сейчас выпью за твоё здоровье!

Девушка быстро зашагала и вскоре скрылась за углом дома. Я понаблюдал, как Рома пьёт залпом, и внезапно решил ему сообщить:

– Мне сегодня на работе одна женщина сказала, что алкоголиками людей делают рептилоиды.

– О-о-о, должно быть, весёлые ребята! Пусть она меня с ними познакомит.

Рома поставил бутылку на лавочку, хлопнул руками по ко-

лениям и решительно провозгласил:

– Пойдём! Я жрать хочу.

Мы встали со скамейки и направились из двора на улицу. Рома уже прилично опьянел, поэтому шёл, пошатываясь, из-за чего бутылки в пакете постоянно стучались друг о друга и по-праздничному звенели.

В один миг вокруг зажглись все фонари. Я шёл, заворожённо вглядываясь вдаль, где огни сливались в две длинные жёлтые полосы, обрамляющие дорогу. На душе было тревожно, поэтому говорить ни о чём не хотелось. Рома, почувствовав моё состояние, вдруг обратился непривычно серьёзным тоном:

– Ты вот сказал, что тебе страшно. А чего именно ты боишься?

– Того, что это будет длиться вечно, – внезапно выпалил я, сам от себя не ожидав такого ответа.

– Что «это»?

– Всё, – я посмотрел по сторонам. – Что я вечно буду слоняться по этой бессмысленности.

– А-а-а!.. Ты страдаешь от того, что тебе никто не сказал, зачем всё это нужно? Так это же круто! Ты можешь решить это для себя сам. Все вокруг выбрали для себя какую-нибудь херню, посмотри! Каждый свою. И каждый эту свою херню холит и лелеет, боготворит её и ею живёт! Только так всё и работает. Тебе тоже нужно придумать себе какую-нибудь херню и ею увлечься. Ну или хотя бы наконец-то начать пить!

Мы остановились около киоска с мигающей надписью «ДОНЕР, ШАУРМА». Рома подошёл к окошку и сделал заказ. Потом вернулся ко мне, и мы стали молча смотреть, как продавец соскребаёт ножом мясо с длинного металлического вертела. Я поморщился.

– Мне часто снится, что я собака, которая охотится на птиц. Убивает их. Я не понимаю, почему я это вижу. Я же в жизни даже мясо не могу есть... Противно...

– Может, твоё подсознание таким образом говорит тебе: «Эгей, чувак, хватит быть жертвой и обижаться на мир! Уж лучше стать хищником и показать миру, где раки зимуют!» Ой, что-то так раков захотелось...

– А ты считаешь, что ты правильно живёшь? – поинтересовался я.

– Ну, по крайней мере, я вечно соплю на кулак не наматываю! А вообще... я стараюсь на эту тему не рефлексировать. В конце концов, если идти пусть даже по порочному пути, но с гордо поднятой головой, то можно далеко зайти!

Продавец выглянул из окошка и прокричал Роме, что заказ готов. Тот, размахивая звенящим пакетом, бодро подошёл к киоску, забрал свою еду и жадно на неё набросился.

– Хочешь? – предложил он мне с набитым ртом.

Я отказался. Вдруг порыв холодного ветра ударил меня по лицу, и я застучал зубами. Очень захотелось убраться отсюда и укрыться где-нибудь в тепле.

У Ромы зазвонил телефон. Выждав несколько секунд для

того, чтобы прожевать очередной кусок, он взял трубку и лукаво заулыбался – по такому выражению лица стало понятно, что кто-то позвал его на свидание.

– Буду через десять минут! – весело закончил он разговор и подозвал меня пальцем к себе. – Сирота, мне надо идти. Окей?

– Окей.

Рома поклонился в пол и, продолжая жевать и немного пошатываясь, пошёл в направлении автобусной остановки.

Оставшись один возле киоска, я стал обдумывать, куда мне идти. Возвращаться в квартиру, пустую и холодную, совсем не хотелось. Когда в меня вдруг врзался очередной поток студёного ветра, я почувствовал себя стоящим на огромной ледяной глыбе, обречённым бесконечно долго замерзнуть на ней в полном одиночестве.

Придя в ужас от этого образа, я, чтобы прийти в себя, поднял глаза и покрутился, рассматривая нависшие надо мной со всех сторон многоэтажки, в окнах которых постепенно зажигался свет. Если напрячь зрение, можно было разглядеть, как в жёлтых квадратах шевелились тёмные силуэты – это люди собирались вечером дома со своими родными. В моей жизни было лишь одно место, в котором я когда-то сам был таким счастливым силуэтом.

Понимание, куда мне идти, пришло в один миг. Не теряя ни секунды, я быстро зашагал в нужном направлении, понимая, что лишь там сейчас мог найти хоть какое-то облегче-

ние. Это был самый яркий светлый луч из моей памяти – Жёлтый Дом.

Первое время после смерти родителей я иногда приходил к нему – бродил по двору, где когда-то играл и катался на велосипеде, рассматривал узоры на тротуаре, на котором когда-то сам рисовал цветными мелками, и заглядывал в окна, которые когда-то были Нашими. Мимолётное облегчение от возвращения в любимое место тут же сменялось горьким осознанием необратимости потери. Отчаяние захлёстывало с такой силой, что я каждый раз возвращался оттуда в истерике, и вскоре запретил себе эти походы. Уже несколько лет я строго соблюдал запрет и не видел Жёлтого Дома.

Но теперь я почувствовал такую невыносимую усталость от постоянных попыток держать себя в руках, что решил позволить себе пойти туда, куда меня тянуло. В конце концов, какой был смысл в этом самоконтроле, если я уже совершенно не видел ни малейшего смысла в своём существовании?

Наконец направившись сейчас к Жёлтому Дому по дороге, каждая деталь которой будила в памяти бережно хранимые образы из детства, я с головой занырнул в море своих самых дорогих воспоминаний. Яркие картинки стали быстро сменять одна другую, словно кадры диафильмов.

Вот мы с мамой готовим вместе салат к Новому году – я случайно добавляю в него слишком много майонеза, и мама, смеясь, говорит гостям, что салат получился чуть более калорийным, чем планировалось. Вот папа во дворе учит меня

кататься на велосипеде – я несколько раз падаю, но каждый раз тут же поднимаюсь и пробую снова – и вот я уже уверенно выезжаю из двора и катаюсь по всему району. Вот мы все вместе сидим на диване с мягкими подушками, смотрим по телевизору какой-то смешной фильм и хохочем...

Из череды воспоминаний меня вытолкнул раскатистый грохот, который стал слышен, когда я уже подходил к Жёлтому Дому. Пугающие звуки, безжалостно разрушавшие поздневечернюю тишину, вызвали у меня панику. По мере того, как я приближался к Дому, грохот становился всё сильнее, и, вторя ему, всё сильнее билось моё сердце. Когда я смог разглядеть впереди огромную оранжевую машину в облаке пыли, я побежал. Пугающие мысли прыгали в голове, и мне было страшно остановиться и рассмотреть каждую из них в подробностях. Поэтому я просто бежал. Бежал, сбивая дыхание. А когда добежал, увидел именно то, чего боялся больше всего.

Огромный бульдозер длинным изгибающимся ковшом разрушал Жёлтый Дом, кромсая стены и с грохотом сваливая их на землю. Всё вокруг заволакивали густые тучи тёмно-серой пыли, в которых тонул даже свет фонарей. Увидев это, я закричал.

Когда рухнул очередной кусок стены, у меня подкосились ноги и я тоже упал вниз. Лежал, уткнувшись лицом в асфальт, и кричал. С каждым новым оглушающим ударом на меня будто сваливалось небо и припечатывало всё сильнее

к земле. Я непрестанно орал, пытаюсь перекрыть то ли этот шум, то ли осознание того, что это Конец.

Я орал долго, будучи в полном беспамятстве, перестав понимать, сколько проходит времени и меняется ли что-то вокруг. Орал, пытаюсь извергнуть из себя беспросветный ужас, разрывавший меня изнутри на кровавые лохмотья, но с криком он лишь немного вылезал наружу, тут же заново вонзаясь в меня своими ядовитыми зубами.

Потом я сорвал голос. По наступившей тишине понял, что снос дома закончился. Или это я потерял слух?..

Я лежал среди обломков, не в силах больше издать ни звука. Ещё продолжали бесшумно течь слёзы, заполняя солёными струями мои нос и рот, не давая дышать.

Где-то вблизи послышались грубые возгласы и гнусавый смех. Вдруг я почувствовал сильную боль в животе, а потом и в других частях тела – понял, что меня бьют. Боль вспыхивала то там, то там. Ничего не понимая, я съёжился и отключился.

Сначала я оказался в каком-то безвременье, плавая в густой чёрной пустоте. А потом что-то потащило меня за руки вверх. Я не мог разглядеть ничего отчётливого – лишь тёмный силуэт на лиловом фоне, который, подняв меня, приклонил к себе. Знакомым голосом прозвучало сочувственное «Как же ты так», и меня куда-то поволокли.

Очнулся я в тёплом помещении с приглушённым светом под тихое бурление воды в электрочайнике. Передо мной

был деревянный стол, покрытый изрезанной клеёнкой с цветочками. Оглядевшись вокруг, я понял, что это была чья-то кухня.

Из-за двери показался Рома.

– О, ожил! – радостно воскликнул он. – Сейчас буду тебя лечить.

Он подошёл к столу и положил на него кулёк, сложенный из тетрадного листа в клетку. Отключив электрочайник, Рома сел на табуретку напротив меня.

Я посмотрел на свои руки – они были все в синяках. Рома ответил мне сочувствующим взглядом.

– Угораздило же тебя нарваться на каких-то выродков! Ну ничего, сейчас станет хорошо...

Облизываясь, он стал разворачивать кулёк – в нём оказался светло-розовый порошок, в некоторых местах слипшийся в небольшие комочки. Несколькими ловкими движениями Рома достал откуда-то снизу телефон, банковскую карту и пятидесятирублёвую купюру. Положив телефон в центр стола, осторожно высыпал из кулёка на экран небольшую часть порошка, а затем с помощью карты сделал из этой горстки ровную полоску. Затем, взяв купюру, свернул её в узкую трубочку. Один её конец приложил к своей ноздре, а другой – к краю дорожки и резким движением вдохнул в себя весь порошок. Потом чуть запрокинул голову назад и на несколько секунд задержал дыхание. Наконец, выдохнув, с улыбкой сказал мне:

– Теперь ты!

Рома высыпал ещё одну горстку порошка на телефон, так же выровнял её в полоску и протянул мне трубочку. Я медленно наклонился к дорожке, зажмурился и резко вдохнул её в себя. Почувствовал, как глубоко в носу зачесалось.

– Теперь ещё по одной, – сказал Рома и повторил ритуал.

Когда я вдохнул свою вторую дорожку, он весело похвалил меня:

– Ого, это было уже почти профессионально! Ещё немного, и можно будет идти работать в МИД!

Положив пакетик чая в чёрную кружку и налив туда кипятка, Рома придвинул её ко мне.

Я сделал несколько глотков и вдруг уловил приятное чувство, которое стало усиливаться с каждой секундой. Мне показалось, будто туго завязанный где-то внутри меня узел стал постепенно ослабляться и позволять мне глубже дышать. Я наблюдал, как хаос вселенной утихал, и впервые за долгое время всё вокруг перестало вызывать у меня раздражение – напротив, лишь принятие и согласие.

Я настолько погрузился в это давно забытое ощущение, что не заметил, как оказался в потряхивающемся такси на заднем сидении. В машине помимо меня был только водитель, который бодро мотал головой в такт песне. Удивительно, но меня не раздражали ни старая машина, подпрыгивающая на каждой кочке, ни играющий на весь салон шансон. Я улыбался, лелея где-то внутри себя чувство, что скоро долж-

но произойти что-то очень важное. Мне больше не казалось, что всё вокруг бессмысленно, – напротив, я был отчего-то уверен, что практически достиг какой-то очень важной своей цели.

Приехав, я зашёл в подъезд и взглядом поприветствовал кошек, спящих в картонной коробке, нежно прижавшись друг к другу.

Зайдя в квартиру, заметил, что трещина на обоях, которая постепенно расходилась последнее время, наконец дошла до пола, и листы обоев упали, красиво свернувшись, как цветы.

Внутренний голос подсказал мне подойти к окну. Я послушался. Оказавшись около батареи, я осторожно опустил на неё руку и обомлел: впервые она оказалась тёплой! Крепко ухватившись за стальной радиатор, я почувствовал, как внутри него журчит горячая вода.

Потом внутренний голос велел мне посмотреть в окно: я тут же поднял глаза и увидел в нём именно то, что хотел. Прямо передо мной, сияя в темноте, словно большая прекрасная звезда, стоял Жёлтый Дом. Невредимый. Любимый. Родной.

В другой ситуации я бы не поверил своим глазам – ведь даже до сноса его никогда не было видно из этого окна. Но сейчас я уже не терзал себя никакими сомнениями – я просто знал, что всё именно так, как должно быть. Жёлтый Дом был здесь, и я понимал, что теперь он будет со мной всегда.

Из глубины него издавались два голоса, сначала совсем тихие, с течением времени становясь всё громче. Это были те самые два голоса, ещё хоть раз услышать которые я мечтал больше всего на свете. Те самые два голоса, которые я так боялся забыть, но всё-таки сумел сохранить в памяти. И вот сейчас они звали меня к себе. Мама и папа.

Дёрнув за ручку и открыв створку, я перелез через оконную раму. Не отрывая глаз от Дома ни на секунду, сделал шаг вперёд. Резко опустившись вниз, машинально зацепился руками за выступ под окном. Задумавшись на мгновение, разжал пальцы.

Полетел вниз. Свободно и легко.

А потом стало темно.